

ИРИНА МАЛЬКОВСКАЯ

Древо жизни

[247]

ИЛ 6/2019

“Древо жизни”, о котором пойдет речь, принадлежит культуре мексиканской, а не какой-либо другой. Универсальность образа дерева в истории человечества не исключает его особую интерпретацию в конкретной культурной среде. “Древо жизни” (в прямом и переносном смысле) “пускает корни” в национальную почву, несет на себе “крону символов”, повествующих о традициях, ритуалах, исторической памяти, надеждах и верованиях народа.

Образ “древа жизни” в Мексике особый, отличающийся от виденных прежде и по форме, и по внутренним смыслам. Чаще всего он материализован в глине. Керамическое древо, украшенное различными сюжетами, рассказывает о многообразии культуры Мексики, ее обычаях и ремеслах, кулинарных предпочтениях и народных праздниках.

“Древо жизни” можно увидеть в музеях, на выставках, в публичных учреждениях, частных домах и так далее. Оно органично вписывается в социальную среду обитания мексиканцев и производит впечатление не сувенира, а неотъемлемого атрибута жизни.

Мексиканское “древо жизни” — предмет высокого искусства и в то же время — атрибут

повседневности, где, как известно, “укорениться” не просто даже самым продвинутым формам творчества и самовыражения. Это широко распространенный артефакт культуры, не требующий, на первый взгляд, замысловатых объяснений (во всяком случае для самих мексиканцев), что важно, ибо по отношению к базовым артефактам формируется национальная идентичность, оценивается творческая неповторимость мастера, раскрывается талант художника, музыканта, то есть творца уникальности и неповторимости культуры как таковой.

Не так много осталось на нашей планете обществ, где повседневная жизнь народа окрашена неповторимой самобытностью, “питающей” духовными жизненными смыслами и силами все новые поколения, как это происходит в Мексике. Возможно, поэтому образ “древа жизни” не выстраивается и не складывается из логических сопоставлений с другими культурными мирами, которым он, однако, не чужд в силу общечеловеческой универсальности образа.

Символика древа всегда узнаваема, какой бы системы взглядов вы ни придерживались — традиционных, религиозных, научных, философских. Это — древнейший образ, метафора происхожде-

ния и эволюции человеческого рода. В каждую эпоху символ древа имел свой особый смысл и интерпретацию. В мифологической культуре древо жизни моделировало пространство окружающего мира — подземного, земного и небесного, соединенного единым временем. Католическое христианство видело в нем безупречное состояние человечества до первородного греха и грехопадения. Крест, по утверждению Папы Бенедикта XVI, является истинным деревом жизни. В восточном христианстве райский сад представляет собой любовь Бога. Образ “древа” связан и с рациональным знанием. Классическим символом рационального “древа познания” становится, к примеру, философия Декарта, олицетворяющая линейность знания, направленного к светочу Разума. Образ древа наполняет разные, по сути, координаты бытия человека: циклические, замкнутые в пространстве единого времени, и линейные, устремленные в будущее.

В линейном времени европейской истории один образ древа сменяет другой: мифологический, религиозный, просветительский. Каждый из этих образов остается в сознании западного человека “по отдельности”, как некий итог знания, но знания абстрактного, не имеющего отношения к повседневности существования. В лучшем случае современный западный человек может вспомнить о генеалогическом древе своего рода или о вполне конкретном дереве, которое нужно посадить в парке или своем саду. Возмож-

но, есть и такие, кто осознает, что “древо познания” основательно произросло в его голове после получения высшего образования и четко определило жизненные ориентиры и суждения.

В культуре Мексики образ древа — свой, сотканный из разных времен. Ни в одной стране мира нет такого изобилия артефактов, интерпретирующих образ древа одновременно с противоположных (и даже взаимоисключающих) позиций. Глубинный метафизический смысл представленных взору артефактов для заезжего туриста не всегда понятен. А поверхностное восприятие колорита мексиканской жизни обескураживает, развлекает, пугает и, несомненно, привлекает.

Действительно, вот перед вами изящная (или не очень) ручная работа из керамики — красочная, необычная, по-своему живописная. Керамическое древо рассказывает об истории, верованиях, обычаях, растительном и животном мире. Миниатюрные экспонаты, отражающие ту или иную тему, особые сюжетные построения, расположились на ветвях дерева. В музее народного искусства Мехико можно увидеть “Дерево жизни” Оскара Сотено, посвященное ремеслам Мексики. Там же находится скульптура древа Альфонсо Кастильо, рассказывающая об истории соуса моле и керамики талавера. Многообразные по смыслу “древа жизни” распространены по всей стране. В каждом штате древо имеет особый колорит. Каждый год проходит конкурс керамистов и гончаров “Дре-

во жизни”, где представлено неисчерпаемое разнообразие работ и сюжетов.

Изобретать “носителя” информации в Мексике не надо. Есть дерево. Действительно, “мексиканское дерево” — достойный носитель смыслов! Но может быть, “носитель” и сам есть сообщение? (Medium ergo message.) И тогда информацию несет само дерево, в котором закодирован некий глубинный смысл? “Носитель” — дерево — застыл в пластике глины. Керамическое дерево само по себе является художественным произведением. Его сделал мастер, гончар. А информацию для размещения на дереве — выбирайте сами. Что вам больше нравится?

Потенциальный покупатель на самом деле может выбрать по своему усмотрению сюжет для “дерева жизни”. Искушенный читатель увидит в этом процессе уже постмодернистские тенденции, воспеваящие человеческие желания. К построению символики дерева применимы методы формирования “самодеятельного потребителя”, в соответствии с которыми конкретный человек выступает и как “заказчик”, и как со-автор, со-участник творческого процесса мастера. Художник приглашает покупателя творить вместе. Умения профессионала керамиста и желания потребителя создают единый продукт, или “личное дерево”. В композицию “личного дерева” включаются значимые для заказчика символы-украшения, соответствующие индивидуальным желаниям и смыслам. Такое соавторство создает индивидуальные, семейные

дерева, наполненные неповторимостью человеческой фантазии и человеческой судьбы.

В Мексике можно видеть настоящее дерево-глашатай. В стране существует традиция строить “дерево жизни” из живых людей. В этом действии объединяются представители разных коренных народов — сапотеки, уастеки, пурепеча, майя, отоми, уичоли, тараумара, яки и другие. В 2006 году 500 человек объединились в постройке такого дерева жизни с целью обратиться к миру с призывом о мире. Это пример еще одной социальной функции “дерева” — вещать от имени общества. Человеческое “дерево жизни” несет в определенном смысле социальные призывы уличного искусства граффити.

Интерпретации символики дерева — бесконечны. И у того, кто смотрит на культуру Мексики со стороны и с любопытством, в буквальном смысле слова происходит “эпистемологический шок”. От каких смыслов отталкиваться? Или вовсе забыть о смыслах и просто начать физически погружаться в этот современный постмодернистский “райский сад”, в котором бурлит притягательный и радостный калейдоскоп жизни и смерти, олицетворяющий вполне современную игру различий!

Еще один символ, который встречается в Мексике на каждом шагу, в том числе будучи прикрепленным к “дереву жизни”, — скелет и череп. Символы смерти. Об особом культе смерти в Мексике хорошо известно за ее пределами благодаря Дню мертвых (Día de los Muertos). В 2003 году праздник

был включен ЮНЕСКО в список нематериального культурного наследия человечества. Он проходит 1–2 ноября и совпадает с двумя католическими праздниками — Днем всех святых (1 ноября) и Днем всех душ (2 ноября). В эти дни по поверью, души умерших родственников посещают родной дом. В домах устраивают частные алтари в честь покойного, включающие черепа из сахара, вербену, любимые продукты и напитки умершего. В эти же дни готовятся сладости в виде черепов и фигурок одетых женских скелетов, напоминающих Катрину — главный персонаж Дня мертвых¹. Многие верят, что в этот день души умерших могут посетить живых родственников и друзей.

Корни праздника смерти уходят к ацтекам, ольмекам и майя, у которых смерть — ритуал. Смерть для индейцев была неотрывна от земли, стояла рядом с плодородием и вечным продолжением жизни. И в наши дни родственники смеются, когда у надгробия вспоминают смешные факты из жизни умершего. Мертвых не оплакивают,

не поминают. Ведь смерть не конец, а начало! В круговороте циклического времени ее нет вообще! Поминование усопших превращается в своеобразный карнавал “калаверас” — скелетов и черепов, сделанных из глины, дерева, картона, тыквы, шоколада, кокосовых орехов и т. п. Среди калаверас можно увидеть причудливо разодетых “мертвецов” — в сомбреро, в пончо, с гитарой в руках и сигарой во рту. Калаверами обвешивают “дерево жизни”. “Дерево жизни” получается достаточно веселым и карнавальным — некое подобие новогодней елки.

Мексиканские “атрибуты смерти” вообще красочны и жизнерадостны. Возникает ощущение, что они утверждают жизнь, посмеиваясь над собой. И, глядя на них, постепенно тоже начинаешь улыбаться: действительно, до чего же мы забавные и симпатичные после смерти! Мексика может показаться очень современной игровой культурой, “сюрреалистическим миром”. И тем не менее мексиканское “дерево жизни” — это дерево, и оно является безусловной альтернативой “траве-ризоме”. Слишком прочно и основательно оно укоренено в национальной культуре!

Философские смыслы “карнавальное” атрибуты “жизни-смерти” открываются чужестранцу постепенно. Глубокие и неожиданные интерпретации дают порой простые местные жители. И тогда буквально на глазах распадается очевидная “материализация” артефакта. Он становится тем символом, которым нельзя владеть только предметно и материалистически,

1. “Калавера Катрина”, “Череп Катрины” или просто “Катрина” — цинковая гравюра мексиканского художника Хосе Гуадалупе Посады, созданная в 1913 году. Изображение стало символом мексиканского изобразительного искусства и используется в художественных композициях, посвященных Дню мертвых. Исп. Catrina — форма женского рода слова “catrín”, что означает “франт”. Фигурка в украшенной цветами шляпе, модной в начале XX века, призвана показать, что богатые и модные, несмотря на их претензию на особую важность, так же смертны, как и все остальные.

то есть становится подлинным символом культуры.

В Юкатане, как и в любом другом штате, повсюду можно увидеть глиняное дерево, “украшенное” фигурками скелетов и черепами. Собственно, ехать за этим зрелищем на “праздник смерти” не надо. Типичный сюжет. И скелеты, и черепа выглядят “оптимистично”, и смотрят на вас не с кладбищенского погоста, а из окон обычных зданий, лавок, магазинчиков и так далее. Небольшое деревце то ли “жизни”, то ли “смерти” можно купить, если есть желание привезти домой необычный сувенир. Но почему в этом дереве проглядывает такая безыскусная простота, обыденность, естественность присутствия в любом месте?

Местный житель — майянец — потомок древних майя, объясняет любопытной туристке по-своему смысл данного артефакта, стоящего у открытого окна на автозаправочной станции. “Все очень просто: дерево — наша жизнь, рождение, брак, успех. Финал жизни — тут же на дереве: скелет, то, что осталось от человека. Но, — он обращает внимание туристов на цвет скелета, — посмотрите внимательно: кости белые. В скелете нет различий между людьми по цвету кожи. Европейцы, индейцы, африканцы, азиаты, посмотрите, у всех скелеты — белые. Скелет символизирует равенство всех народов”. Идея социального равенства людей перед лицом смерти хорошо известна из европейского средневековья. Но белый цвет скелета вызывает и другую интерпретацию равенства, более близкую к идеям Просвещения.

Действительно, одно дело “равенство в смерти”, другое дело — присмотритесь внимательно к цвету костей скелета — “равенство в жизни”. Скелеты имплицитно говорят именно об этом, втором “равенстве”, которое достигается в борьбе за независимость и свободу.

Смысл объяснения символики “дерева с черепами” автозаправщиком с бензоколонки заинтересовывает. Философия восприятия повседневности совсем другая, нежели у эрудированного “пляжного” туриста. Майянец по-своему объясняет и другой факт: почему для дерева используется глина. “Глина — лучший материал для построения ‘древа жизни’: она хрупкая, ломкая, пластичная как сама жизнь. Деревце легко может разбиться на черепки, к которым останутся прикрепленными маленькие скелеты. Черепки — олицетворение хрупкости жизни. На каждом отрезке пути с жизнью можно легко расстаться, как на этом ‘обломке’ черепка-дерева”. После такого объяснения становится понятно, кто “счастливчик”. Это тот, чей крохотный скелет находится почти у вершины дерева — да, ему жизнь удалась!

В древо начинаешь вглядываться пристальнее. Юмор сродни размышлению. Для проникновения в суть культурного символа нужен взгляд, выходящий за пределы простой “метки” вещи или события. Турист одержим “мечеными вещами”, сувенирами, в поисках которых носится по всему свету. Но древо жизни, череп, скелет — не сувениры. Скорее это метафизические артефакты с глубокими

смыслами. Лишь постепенно открывается их связь с историей и с обыденной жизнью мексиканцев, творчеством и творческим гением, генеалогией мексиканской культуры и самой жизнью великих представителей мексиканского народа.

Тогда, глядя на дерево, испытываешь состояние сродни медитации, когда ничто не отвлекает от сущности существования. И замираешь от удивления перед тайной бытия, постепенно осознавая, что жизнь и отношение к ней у мексиканцев совсем не карнавальное, а возвышенное и трансцендентное. Юмор лишь пикантная приправа для поглощения иных смыслов.

Мексиканское “древо жизни” — одно из базовых оснований мексиканской культуры. Традиционные верования и ритуалы индейцев — первый пласт, с которым и поныне соотносится вся духовная и культурная жизнь. С мифологической космологией индейцев майя можно познакомиться в многочисленных литературных источниках. Дерево Сейба в мифологии майя — мировое древо, которое является воплощением верхнего, среднего и подземного миров¹. До сих пор в индейских деревнях на центральной площади рас-

тет сейба, достигающая 60—70 метров в высоту и имеющая причудливый ствол у основания с необычайно развитыми контрфорсами. При заготовке дров индейцы не трогают дерево, почитая сейбу как прародительницу мира. Дерево сейба — священное, сакральное. Сейба — фетиш, объект особого поклонения и почитания. И образ керамического дерева несет в себе элементы культового поклонения.

Контакты с индейцами, поклонявшимися своим богам, стремились установить первые миссионеры-католики. Им же пришла в голову идея совмещения автохтонной культуры индейцев и христианской культуры посредством дерева как символа якобы “универсальной модели” человеческого бытия.

Действительно, вокруг дерева сейба, соединяющего микрокосм с макрокосмом, разворачивалась жизнь индейских поселений. Райский сад считался в Библии местом первоначального обитания человека. Почему бы не совместить жизнь язычников вокруг их культового дерева с Эдемом?

В сущности, модели языческого поселения вокруг культового дерева и “райского сада” абсолютно противоположны и

1. Согласно мифологии майя, Земля — плоская и четырехугольная — развернута на четыре стороны света, у каждой есть свой цвет. Восток — красный, север — белый, запад — черный, юг — желтый. Но есть и “пятый угол”, центр, который ассоциировался с сине-зеленым цветом. В центре земли растет Дерево Яш-Че — сине-зеленая сейба (хлопковое дерево), так называемое “Древо мира”, или “Древо жизни”, которое дает жизнь на

земле. Дерево формирует ось мира, которая соединяет центр Земли со всеми уровнями неба и подземным царством. Крона дерева проникает в Небеса, а корни уходят в нижние миры Шибалбы. В ветвях живут боги. Ствол — это мир людей. “Первое дерево” растет в центре Земли и соединяет земной мир с высшим духовным миром. Ствол и ветви священного дерева — это путь, по которому душа попадает на небо.

даже взаимоисключающие. Но интересы налаживания коммуникации с индейскими племенами и задачи обращения индейцев в христианскую веру диктовали свои правила взаимодействия. Стремясь приучить местное население к новым символам религии, в “райский сад” индейцев (по аналогии с ним было выбрано священное “древо жизни” майя) миссионеры стали помещать свои образы, связанные с библейскими сюжетами. Местные индейские божества с “дерева жизни” постепенно исчезали, закрашивались. На их месте оказывались католические святые. И вскоре дерево стало воплощать библейские сюжеты. Фигурками-обитателями “райского сада” стали Адам и Ева. В “райском саду” появился архангел Михаил (изгнавший первых людей из рая), цветы и плоды, змей-искуситель и так далее. Такое “древо жизни” можно встретить в Музее антропологии в Мехико. Образ дерева стал христианским. Дерево сейба, реальное и культовое дерево индейцев, превратилось в символ христианской культуры — “керамический” Эдем. Христианское “древо жизни” в Мексике распространено, но оно по-прежнему соседствует с деревьями другого рода, явно не христианскими.

Прямого перехода от “дерева-фетиша” к “дереву-символу”, замены одного “дерева” на другое не произошло. “Взаимопонимания” в интерпретации символов не состоялось. Живое дерево сейба, связанное с прежними традициями, осталось в культуре потомков индейцев. Католическая культура Мексики также осталась верна

символам “райского дерева”. Со временем начался обратный процесс раскодирования и замены символов. “Райский сад” постепенно стали “заселять” умершие, в нем появились традиционные культовые черепа предков. Став христианами, новообращенные индейцы постепенно превратили день поминовения усопших в День мертвых. Священная мифологическая сейба восторжествовала в образе “райского дерева”, но стала нести на себе странные для религиозного сознания смыслы и оппозиции: жизни и смерти, бренного тела и бессмертной души, карнавальности и религиозности и так далее.

Культурный синкретизм мексиканского мышления и восприятия жизни можно было бы попробовать разложить на составляющие, но лишь гипотетически, открыв для себя те исторические эпохи, которые, подобно слоям пирога, накладывались друг на друга, создавая некую целостность. Однако метод дедукции для анализа мексиканской культуры вряд ли подходит. Он не позволяет объяснить, почему для местного жителя майянца скелеты на “дерева жизни” — символы человеческого равенства? Из какого “дерева познания” приходит столь просвещенческая трактовка традиционного фетиша-артефакта?

Разные смыслы наполняют практически все предметы, безделушки, которые продают белые и индейцы в разных уголках страны. Эти “странные вещи” молчаливо повествуют о другом мире, другой истории, другой цивилизации. Удивительно, но именно красочная

мишура базаров, обилие странных сувениров, смешливое отношение к смерти, бесконечно улыбающиеся тут всюду черепа в шляпах с сигарами, скелеты, сидящие в машинах и верхом на лошадях и т. д., буквально затягивают внутрь культурного пространства абсолютно другого мира — мира притягательного единения смерти и бессмертия, равенства и свободы, традиционного цвета “рохо мекхикано” и революционной риторики.

Сознание современных мексиканцев, потомков индейцев, бесспорно, хранит фетиши автохтонной культуры, но одновременно обладает способностью отстранения от них. Как писал Мераб Мамардашвили, чем дальше общество уходит от мифологической эры фетишей и вступает в фазу развития своей культуры посредством символов, тем очевиднее переход от вещи к новому состоянию человека, способного удерживать в сознании разные понятия и их оппозиции. “Фаза развития культуры” сегодня во многом определяется материальными символами.

Турист собирает для своей коллекции и подарков “метки”, символы вещей, отличающие, по его мнению, мексиканскую культуру от любой другой. Потомки индейцев продают “вещи-фетиши”, имеющие для них сакральный смысл. Но и сакральный смысл “материализуется” и упрощается в угоду рынку. Интерпретации смысла вещицы даются порой местными жителями исходя из практической актуальности, или же они вытекают из приспособления потомков индейцев к жизни в мегаполисе, в системе мас-

совой информации и туристического наплыва. Так, череп — традиционный фетиш, которому поклоняются и в который верят. Череп символизирует смерть и воскрешение¹. Но туристам такой символ могут советовать купить по причинам вполне практическим: пепельница, сувенир на память и так далее. У черепа есть и более глубокий смысл — отсутствие страха перед смертью. Обладание им созвучно внутренней отваге, стойкости перед жизненными невзгодами. Но такая интерпретация — не для обыденных покупок, а для более продвинутой коммуникации. И вопрос только в том, кто в этой коммуникации видит дальше и глубже разные понятия и их оппозиции.

Произошла “переработка” традиционных архетипов в современные личностные жизненные смыслы, определяющие основу национального характера и мироощущения. Но культурный архетип как таковой остался. Не надо забывать и о рациональных веяниях, влиянии европейской светской культуры, “дерева знания”, кото-

1. Первые завоеватели заметили, что ацтеки насмеваются над смертью в своих обрядах. У ацтеков черепа людей приносили в жертву языческим богам. В их домах хранились черепа умерших родственников. Эти черепа активно использовались в ритуалах и церемониях. Летом в августе ацтеки выделяли целый месяц, на протяжении которого устраивалась череда жертвоприношений, отдавая дань мертвым и загробному миру с его владычицей — богиней Миктлансиуатль, и сооружали стены с изображением черепов — цомпантли. (В современной мифологии этой богине и соответствует образ Картины.)

рое исподволь входило в мировоззрение образованных слоев общества и накладывалось все на тот же существующий априори архетип. *“Многомерность” сознания мексиканцев стала основой поиска национальной идентичности. Эту идентичность не обнаружить “со стороны”.* Похоже, она открывается тем, кто, узнавая себя в *другом*, вступает в коммуникацию на уровне архетипов, вскрывая и преобразовывая посредством этого “ключа” исторические и современные пласты культуры.

“Древо жизни” выражает на символическом языке искусства самое что ни есть “мексиканское” в Мексике, не заимствованное, чуждое, наносное, а собственное, переработанное, особенное, идущее из самой жизни на земле, взрастившей неповторимое Древо.

Для мексиканцев их связь с прошлым, с предками, с другим (не линейным, а циклич-

ным) временем — предмет постоянных размышлений и рефлексий.

Корни мексиканской культуры, уходя глубоко в землю, разветвляются, прорастают в новые слои “почвы” и постоянно напоминают о себе, воспроизводя диковинные плоды. Об этом можно было бы поговорить и на других примерах. Смерть в мексиканской культуре в 30-е годы XX века обретает новые коннотации. Сюрреалисты обыгрывают ее, внося свой элемент иронии, смеха, шутки, игры. Бретон называет Хосе Посаду “отцом черного юмора в визуальном искусстве”.

Но мы обратились к мексиканской “глине”, будоражащей массовое сознание людей. Если бы такого живого субстрата не было, поиски идентичности, которыми мексиканская философия одержима, начиная с Васкоселоса, не имели бы сколько-нибудь серьезного значения.